

<http://www.diva-portal.org>

Postprint

This is the accepted version of a paper presented at *Murman and Russian Arctic: history, present and future, Murmansk, September 26-28, 2016..*

Citation for the original published paper:

Kotljarchuk, A. (2017)

Scandinavian and Finnish settlements on the Kola Peninsula: history and the sites of memory.

In: Sergei Nikonov (ed.), *Conference proceeding Murman and Russian Arctic: history, present and future* (pp. 77-188). Murmansk: Murmansk Arctic State University

N.B. When citing this work, cite the original published paper.

Permanent link to this version:

<http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:sh:diva-31356>

АНДРЕЙ КОТЛЯРЧУК
ДОЦЕНТ УНИВЕРСИТЕТА СЁДЕРТЁРН,
ХУДДИНГЕ, ШВЕЦИЯ

СКАНДИНАВСКИЕ И ФИНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА МУРМАНЕ: ИСТОРИЯ, И МЕСТА ПАМЯТИ

***Аннотация.** В статье рассматривается история скандинавских поселений существовавших на Мурмане в 1850-1940-х гг. Особое внимание уделено местам памяти и репрезентации советского прошлого. Исследование осуществлено в рамках проекта *Soviet Nordic Minorities and Ethnic Cleansing on the Kola Peninsula*, реализуемого на базе университета Сёдертёрн под руководством Андрея Котлярчука. Автор благодарит за поддержку шведский фонд балтийских и восточноевропейских исследований *Östersjöstiftelsen*.*

***Ключевые слова:** скандинавские и финно-угорские меньшинства Кольский полуостров, советская национальная политика, места памяти, культурный ландшафт*

SCANDINAVIAN AND FINNISH SETTLEMENTS ON MURMAN: HISTORY AND SITES OF MEMORY

***Annotation.** The paper summarizes the results of the study of Scandinavian and Finnish settlements on the Kola Peninsula supported by the Foundation for Baltic and East European Studies and Södertörn University as a part of the research project “Soviet Nordic Minorities and Ethnic Cleansing on the Kola Peninsula” led by Associate Professor Andrej Kotljarchuk. The focus of this article is on the representation of Kola-Nordic history as well as on the Nordic sites of memory in today’s Russia*

***Keywords:** Soviet Nordic minorities, Soviet nationalities politics, Kola Peninsula, sites of memory, cultural landscape*

Введение

В 1930-х – 1940-х гг. возникшие в XIX веке анклавные скандинавских и финских общин на Кольском полуострове прекратили свое существование, а созданный колонистами в течении века культурный ландшафт был разрушен [1]. За последние двадцать лет на северо-западе России возник ряд скандинавских мест памяти. Как связаны трагическая история и репрезентация истории скандинавских и финских поселений в современной России? Где существуют места памяти и кто является их акторами? На эти и другие вопросы мы попытаемся ответить в данной статье.

Теоретические рамки, вопросы и методы исследования

Теоретическая модель работы основана на концепции мест памяти (*sites of memory*) впервые предложенная французским историком П. Нора. Определяя наше отношение к прошлому, память формирует будущее. Места памяти являются чрезвычайно мощным фактором мобилизации национальных групп. Через места памяти происходит также включение индивидуальной и региональной памяти в общенациональный контекст. Места памяти рассматриваются учеными чрезвычайно широко, среди них мемориалы и выставки, научно-популярная и художественная литература, кинофильмы, изображения на денежных знаках и т. п. [2].

Репрезентация скандинавских мест памяти на северо-западе России в данной работе рассматривается на примере двух типов мест памяти: мемориалов и литературы. Традиция воздвигать мемориалы в память погибших людей или знаменательных событиях восходит к древнейшим человеческим культурам. Количество подобных мемориалов резко возросло в Европе в XX веке, в результате трагических событий первой и второй мировой войны. По количеству мемориалов войны Россия занимает, по-видимому, первое место в мире. Другой важной группой мест памяти является научно-популярная и мемуарная литература. В отличие от сугубо научных работ популярные книги имеют больший тираж и охватывают значительную читательскую аудиторию.

Скандинавские и финские колонисты в империи Романовых

Кольский полуостров или «Русская Лапландия» имеет стратегическое значение для скандинавских стран и считается исторической частью Северной Европы. В начале XX века природные условия, демографические и социально-

экономические характеристики западной части Кольского полуострова мало чем отличались от норвежского Финнмарка, финской Лапландии и шведского Нуррланда. Здесь оленеводы-саамы и охотники на морских животных сосуществовали с финскими норвежскими и шведскими фермерами и рыбаками [3, с. 219–220].

Как известно в 1860-х гг. царское правительство пригласило на Кольский полуостров колонистов из соседних Швеции-Норвегии и Великого княжества Финляндского. Это решение привело к быстрой скандинавской колонизации полуострова [4]. Колонисты основал десяток финских поселений, норвежские (Цыпнаволок, Кильдин) колонии, шведские переселенцы жили в селах Ковда и Мурмаши. Переселенцы вели изолированный образ жизни и предпочитали не смешиваться с русским населением [5, с. 11–13]. Колонисты Мурмана жили в империи которая, в некотором смысле, была развернута в сторону Скандинавии. Мать последнего царя Мария Федоровна была урожденной датской принцессой, и закончила свою жизнь в Копенгагене. В её честь был назван основанный в 1861 г. западный порт России Мариехамн у входа в стокгольмские шхеры. Император Николай II неоднократно посещал Скандинавию и понимал скандинавские языки. Великое княжество Финляндское граничившее с Кольским полуостровом входило в 1809-1917 гг. в состав империи Романовых. Россия имела свое скандинавское меньшинство. Согласно первой всеобщей переписи только за пределами Финляндии проживало 14199 шведов и 1640 норвежцев и датчан [6].

Ленинская национальная политика и колонисты Мурмана

Стратегии национальной политики Российской империи и Советского Союза были различны. Царская Россия делала ставку на «мягкую» долгосрочную культурную ассимиляцию колонистов Мурмана [7]. Ленин и его правительство объявили полную поддержку национальным меньшинствам. Большевики, в соответствии с марксистской доктриной, предполагали что колонисты Мурмана, принадлежат к классу трудящихся («трудовое рыбачество») и следовательно должны быть признательны новой экономической и национальной политике [8, с. 99]. Советская власть установилась на Мурмане после нескольких лет иностранной интервенции. Поэтому, с помощью политики коренизации (промоции местных кадров) большевики добивались перехода жителей отдаленных районов страны на сторону новой власти.

Одним из главных направлений советской национальной политики тех лет был масштабный проект создания национальных автономий. В результате административной реформы на территории РСФСР возникли десятки автономных республик, областей, округов и районов и сотни национальных

сельских советов. В 1930 г. в Мурманском округе был образован Финский национальный район. 58 процентов (1297 человек) населения района в то время был финским. Вместе с саамами, норвежцами и шведами народы Северной Европы составляли подавляющее большинство населения – 72 % [9, с. 10–12]. Языками администрации были финский и русский. Финские коммунисты (местного и скандинавского происхождения) занимали руководящие посты. Районная газета «Полярный коллективист» (*Polarnoin kollektivisti*) издавалась тиражом в 500 экземпляров на финском и русском языках. Тогда же в селе Цыпнаволок был образован национальный норвежский сельсовет. Для организации норвежского колхоза Коминтерном в Цыпнаволок были направлены норвежские и исландские коммунисты. Строить социализм на Мурмане приехали финны-коммунисты из Финляндии, Дании и США [10, с. 139]. Всего в СССР на 1932 г. под шефством Коминтерна действовало около 30 показательных колхозов с участием эмигрантов из Северной Европы [11, с. 87–114]. Советская власть была заинтересована в их успешном экономическом развитии. Поездки коммунистов и позитивные репортажи в международной коммунистической прессе призваны были убедить скандинавское рабочее движение в преимуществах социализма. Левая шведская пресса описывала успехи колхоза имени Шведской компартии в селе Красношведское Херсонской области [12, с. 97–105]. Газета норвежской компартии «*Nordland Arbeiderblad*» публиковала статьи о процветании рыболовецкой артели в Цыпнаволок [13, с. 87–114]. Показательные колхозы рассматривались как оптимальная место практики студентов школ Коминтерна и школа подготовки пропагандистов будущей Красной Скандинавии [14].

Большой террор и смена советской национальной политики

В июле 1933 г. Сталин посетил Мурманский округ вместе с первым секретарем Ленинградского обкома Сергеем Кировым и наркомом по военным и морским делам Климентом Ворошиловым. Сталин был первым руководителем страны посетившим Кольский полуостров. По решению советского руководства на полуострове формировался Северный Флот. Создание военно-морского флота означала новый вектор развития региона. Ставка на милитаризацию и внешние угрозы означала рост недоверие власти к колонистам представляющим, по словам Сталина, страны «капиталистического окружения». Не случайно, первые локальные переселения финского населения связаны со строительством на Мурмане военно-морских баз [15, с. 213].

Советская национальная политика изменилась радикально в 1937 г., когда органы безопасности приступили к секретным «национальным операциям». 29 марта 1937 г. газета «Правда» опубликовала доклад Сталина на пленуме ЦК

ВКП(б) 3 марта 1937 г. «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Вскоре полный текст доклада вышел отдельной брошюрой. В своем выступлении Сталин сформулировал «основные факты», представлявшие собой идеологическое обоснование национальных операций. По мнению Сталина, «вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств» поразила все советское государство снизу доверху «все или почти все наши организации». Сталин обвинил активистов скандинавского рабочего движения в шпионской деятельности против СССР. Речь Сталина была переведена на финский язык и опубликована в районной газете «Polarnoin kollektivisti» [16]. В марте 1937 г. словарь советского «новояза» обогатился рядом новых понятий. Сталинский термин «капиталистическое окружение» означал новый поворот во внутренней и внешней политике. Сталин не делал никаких исключений, все соседние с СССР государства заносились в список врагов. Пропаганда идеи солидарности с трудящимся зарубежных стран и коммунистами уступила место атмосфере тотальной подозрительности ко всем иностранцам. Представляет интерес другое сталинское понятие 1937 года «выкорчевывание». Техническое значение понятия заключается в удалении пней и корней деревьев и кустарников при расчистке полосы отвода для производства дорожно-строительных работ. Политическое значение термина означал курс на истребление арестованных людей. 11 июля 1937 г. газета «Ленинградская правда» опубликовала статью начальника 4 секретно-политического отдела НКВД по Ленинградской области П. А. Коркина с красноречивым названием «О подрывной работе иностранных разведок в деревне». Используя установку Сталина автор утверждал следующее:

Наивные люди думают, что с капиталистическим окружением нам приходится иметь дело лишь на рубежах Советского Союза или в пограничных пунктах, или, наконец, в крупных промышленных центрах, в больших городах. Между тем капиталистическое окружение, как показывают многочисленные факты, засылает своих разведчиков и в самые отдаленные районы, местечки, села и колхозы нашей страны.

Эксплуатация шпиономании сочеталась со ставкой на детективные истории с примесью псевдонаучной терминологии. Так, первый заместитель наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновский серьезно сообщал Сталину об использовании Германией ворон в шпионской деятельности на севере СССР. Секретарь Свердловского обкома К. Н. Валухин в донесении Сталину уверенно рапортовал, что за лесными пожарами в Коми-Пермяцком округе стоят иностранные разведки [12, с. 129].

Всего за 14 месяцев в ходе национальных операций НКВД было уничтожено более 247 тысяч советских граждан представляющих десятки меньшинств – от поляков, немцев и финнов до латышей и афганцев. В ходе массовых операций в Мурманском крае было арестовано 694 финна, 23 норвежца и 6 шведов или около 20 % взрослого населения этих меньшинств [7]. В административном центре финского района Ура-Губа НКВД арестовало 27 человек – практически весь финский руководящий состав [17]. Жертвы национальных операций составили 34 % всех расстрелянных в 1937–1938 гг. Это значит что национальные операции являлись центральным мероприятием Большого террора. Ход секретных национальных операций не отражался в СМИ. Тем не менее летом 1937 года в мурманской прессе развернулась пропагандистская компания против «финского буржуазного национализма» целью которой было объяснить местному населению и администрации массовые аресты финского населения скрыть которые в сельской местности было невозможно [18].

Ликвидация национальных институтов и разрушение скандинавского культурного ландшафта

Терри Мартин обратил внимание на связь Большого террора с ликвидацией национальных районов и школ [19, с. 422–429]. Новая административная реформа и ликвидация национальных школ на Мурмане осуществлялись одновременно с Большим террором. Подобное совпадение не случайно. Используя террор как метод управления, советская власть достигала, таким образом, максимального эффекта. Массовые аресты определенной национальности обеспечивало отсутствие протестов со стороны населения и местной администрации. В 1938-1939 гг. на Кольском полуострове были ликвидированы культурно-национальные автономии финнов, норвежцев и саамов, закрыты все школы меньшинств. Финское издание газеты «Полярный коллективист» было остановлено в январе 1938 г., а сотрудники редакции репрессированы [18]. Постановления о ликвидации национальных школ, районов и сельсоветов не публиковались в прессе. Однако драматический поворот национальной политики нуждался в пропагандистском обосновании. Заместитель главного редактора районной газеты «Полярный коллективист» Н. Иванов в программной статье «За изучение русского языка» объяснял создание финских национальных институтов происками «врагов народа» которые «упорно боролись против русского языка, стремясь сохранить финское население в своей национальной обособленности, презирали всё русское то есть советское [sic!]. В этом они имели кое-какой успех ... враги народа создали Китайскую стену между финским и русским населением которая не даст

возможности финнам расти культурно и вместе со всем советским народом приобщаться к социалистической культуре ... только язык Ленина-Сталина, язык революции откроет [финнам] широкую дорогу». Формула «национальная по форме, социалистическая по содержанию» была объявлена вредной, а авторы ленинской национальной политики в Мурманском крае Эйнар Лахденперья, Карл Петерсон и Юханнес Сало обвинены в «подлой вражеской деятельности» [20].

Одновременно с массовыми арестами и ликвидацией национальных институтов советским правительством были закрыты дипломатические миссии северных стран на северо-западе РСФСР: норвежское консульство в Архангельске, а также финское и шведское консульства в Ленинграде. Дипломатические миссии были местом куда кольские финны, норвежцы и шведы обращались за помощью. Однако с 1937 г. такие контакты рассматривались НКВД как «консульские связи» и приводили к арестам. Изоляция позволяла проводить масштабные репрессии не опасаясь международной реакции. Наконец в начале июля 1940 года, после окончания зимней войны и нацистской оккупации Норвегии, финское, скандинавское, балтийское население Мурманской области было депортировано по приказу наркома НКВД Лаврентия Берии как «инонациональности» во внутренние районы Карелии. В августе 1940 года Мурманский облисполком в докладной центральному правительству признавал что «в связи с переселением из-за пределов Мурманской области инонациональностей в районах области, особенно в Полярном и Кольском, многие колхозы остались совершенно без рабочей силы» [21]. В связи с депортацией населения газета «Полярный коллективист» прекратила свой выход. Гражданская жизнь в Полярном районе начала восстанавливаться только с конца 1940-х гг.

Депортация привела к экономическому коллапсу и разрушению материальных объектов Полярного района [22, с. 164–166]. И здесь нельзя не согласиться с Мишелем Фуко, который подчеркивал, что малопродуктивно искать в действиях тоталитарной власти ясные экономические цели логического порядка. У каждого из режимов собственная история, но цель всегда одна: подчинение и один, наиболее популярный метод – насилие [23, с. 287–289]. Сталинские репрессии и депортации северных меньшинств осуществлялись по массовым признакам. Реабилитация – на индивидуальной основе. В отличие от ряда других автономий Финский национальный район не был восстановлен после 1953 г. В этом случае судьба кольских финнов похожа на судьбы поволжских немцев и белорусских поляков. В 1995 г. правительство Норвегии приняло специальный закон по репатриации кольских норвежцев пострадавших в период сталинских репрессий. В ходе реализации программы

около 150 потомков кольских норвежцев эмигрировало на историческую Родину.

Научно-популярная и художественная литература как места памяти

Истории кольских норвежцев была практически забыта в России до появления в 2001 г. книги Мортена Йентофта, норвежского журналиста длительное время работавшего в России, «Те кто ушли на Восток. История Кольских норвежцев». В 2009 г. в Мурманске вышел русский перевод книги под названием «Оставшиеся без Родины: История кольских норвежцев». В богато иллюстрированном издании автор рассказывает удивительную и трагическую историю столетней колонизации норвежцами полуострова Рыбачий от момента основания колонии в 1854 г. до поголовной депортации 1940 г. В издании приводится список репрессированных норвежцев. При поддержке дипломатической миссии Норвегии презентация книги состоялась в Москве и Мурманске. Йентофт является автором ряда других научно-популярных книг о кольских норвежцах. Важным актором репрезентации финского прошлого на Мурмане является уроженец Кольского района художник и писатель Свен Локко (1924–2008) Свен – автор ряда картин из жизни финских колонистов и романа-трилогии «Финны на Мурмане» вышедшего на русском и финском языках.

Мемориалы как места памяти

В 1998 г. генеральным консульством Норвегии в Санкт-Петербурге был установлен «Памятник погибшим норвежцам» на мемориальном кладбище Левашово. Автор памятника – российский скульптор У. Ахмедов. Левашово до 1989 года было закрытым объектом КГБ. Здесь в 1937-1938 гг. НКВД было расстреляно около 45 тысяч жителей Ленинграда и Ленинградской области. До июня 1938 г. Мурманский округ входил в состав Ленинградской области, поэтому арестованные кольские норвежцы, финны и шведы расстреливались в Ленинграде. Среди них 20 рыбаков единственного в СССР норвежского колхоза на полуострове Рыбачий. Они были огульно обвинены в создании шпионско-повстанческой организации «Голубые кресты или орден Розенкрейцеров» и расстреляны в Ленинграде без суда, по постановлению тройки [24]. Жертвы НКВД были реабилитированы советскими и российскими органами правосудия, что доказывает их невиновность. Надпись на памятнике в Левашово выполнена на двух языках и представляет собой цитату из норвежской псалтыри: «Страх нет пред властью тьмы. Звезды свет подарят». Норвежский памятник – один из первых монументов Левашовского

мемориального кладбища, посвященных трагической памяти жертв национальных операций. На сегодня в Левашово установлены памятники памяти жертвам польского, литовского, белорусского, итальянского, немецкого, финского, норвежского, эстонского, еврейского, украинского и ассирийского народов, а также жертвам среди русского населения.

30 октября 2007 года, в день памяти жертв политических репрессий в Мурманске был открыт второй в России норвежский мемориал. Один из потомков кольских норвежцев О. В. Ксенофонов разыскал на месте бывшего лагеря в Карелии и перевез в Мурманск прах своего деда Магнуса Свенсена. Памятник был воздвигнут при помощи международного общества Мемориал и генерального консульства Норвегии в Мурманске. Мемориал у могилы М. Свенсена на городском кладбище посвящен памяти всех русских норвежцев и сопровождается списком репрессированных на норвежском языке. Подобный по своей композиции памятник с именами уничтоженных в ходе Большого террора шведских колонистов установлен в 2006 г. в селе Змиевка, Херсонской области Украины.

В 2008 году потомками кольских норвежцев была установлена мемориальная стела на полуострове Рыбачий, на месте бывшего села Цыпнаволок. Потомственные рыбаки и китобои Баренцева моря создали в советское время богатый рыбопромышленный колхоз. Сегодня на месте когда-то процветающего села со своим флотом, факториями, школой, клубом, кирхой и больницей – пустое поле. Надпись на стеле, выполненная на русском и норвежском языках, гласит: «Памяти норвежцев проживавших на полуострове Рыбачий, 1850-1940». Цыпнаволок – яркий пример негативных результатов национальной и социально-экономической политики Сталина.

Конфликт памяти?

В отличие от случая с норвежцами, сталинские репрессии финского населения являются, до сих пор, горячей темой политики памяти. В октябре 2012 г. мемориал посвященный жертвам Большого террора с надписями на финском и русском языках предполагалось открыть в Кировске по инициативе финских организаций и российской правозащитной организации Мемориал. По распоряжению местных властей милиция остановила возведение памятника как незаконного [25].

В 1949 г. в Ура-Губу (финское название Uura) прибыла первая группа переселенцев из Астраханской, и Вологодской областей, для которых в разрушенном к тому времени поселке были построены типовые дома. Глава Полярного района П. Зензинов в первом номере газеты «По Сталинскому Пути» изложил взгляд советской власти на прошлое села:

Расположенная в устье реки Ура рыболовецкая артель «Энергия» до Великой Отечественной войны была одним из передовых колхозов Мурманской области. Зажиточно и культурно жили здесь рыбаки. Мощные моторные боты были оснащены совершенными орудиями лова. Люди видели перед собой ясные жизненные цели ... Мирный созидательный труд советских людей был прерван вероломным нападением на нашу страну немецко-фашистских захватчиков. И там где когда-то находился благоустроенный поселок остались развалины. Фашистские варвары уничтожили все колхозные постройки. На несколько лет на устье Уры нависла тишина нарушенная лишь криком чаек. Выполняя предначертания Великого Сталина советские люди принялись за восстановление разрушенного войной Ура-Губа [26].

В приведенной цитате штампы сталинской пропаганды сопровождались грубой фальсификацией прошлого. Довоенная финская история поселка замалчивалась, слова «финны» и «Финляндия» были вычеркнуты из лексикона. История Великой Отечественной войны использовалась для ретуширования сталинских репрессий и депортаций. В итоге коллективная травма кольских финнов не имея выход в публичное пространство замыкалась в узкой семейной среде [27].

Население бывшего центра Финского района посёлка Ура-Губа представлено на сегодня вторым и третьим поколениями послевоенных переселенцев. Памятника депортированным односельчанам нет. Официальный сайт администрации не упоминает финское прошлое посёлка [28]. Статья Википедии об Ура-Губе на финском языке пересказывает трагическую историю поселения и упоминает знаменитых финских уроженцев села. Русская версия Википедии в статье об Ура-Губе не упоминает Большой террор и сталинскую депортацию.

В 2014 году жители Ура-Губа отпраздновали 150-летнюю годовщину со дня основания поселка. Официальная церемония прошла у мемориала Великой Отечественной войны. Финская операция НКВД и депортация финского населения не упоминались. Причиной разрушения деревни стала, по словам местной газеты, немецкая бомбардировка [29]. Как видим, в данном случае политика памяти строится на концепции созданной в позднее сталинское время. И если царский период истории колонистов получил, в последнее время, широкое публичное отражение, то трагические страницы сталинского периода по-прежнему вытесняются на периферию общественной памяти. Как и в советское время, дискурс Великой Отечественной войны вымывает из публичного дискурса тему сталинских репрессий. Как отмечал по этому поводу Варлам Шаламов «разве уничтожение человека с помощью государства – не главный вопрос нашего времени, нашей морали, вошедший в психологию каждой семьи? Этот вопрос много важнее темы войны» [30, с. 26].

Заключение

Мемориалы занимают одно из наиболее важных мест в репрезентации прошлого. Именно мемориалы создают физическое пространство памяти. С открытием мемориала у акторов появляется возможность через коммуникацию с широкими слоями населения передать знания и травму прошлого последующим поколениям. Мемориалы создают также легальную площадку для встречи гражданского общества и власти. Проведение траурных и торжественных церемоний привязанных к конкретному объекту объединяет самых различных акторов, поддерживает включение памяти отдельной группы в региональный контекст. Открытие памятника освещается прессой, что существенно увеличивает аудиторию опосредованных участников.

Выборочный анализ скандинавских и финских мест памяти на северо-западе России подтверждает что большинство созданных за последнее время мемориалов связано с трагическими событиями сталинских репрессий. Эти места памяти возникли, заимствуя словарь общества Мемориал, в ходе проекта де-сталинизации России. Основными акторами памяти являются отдельные российские и скандинавские граждане, общественные организации и посольства. Российское государство не является активным участником этого процесса. Усилия гражданского общества по де-сталинизации культурного ландшафта России находятся на периферии внимания российских СМИ.

В последнее время появилась значительная литература на русском языке о скандинавской и финской колонизации Мурманского края, музеями Мурманска и Полярного подготовлены выставки и экспозиции посвященные судьбам колонистов. Тем не менее, скандинавские меньшинства презентуются как представители иностранных государств, а не как часть российской нации. Окончательного примирения (*reconciliation*) с «чужим» прошлым на Мурмане не произошло. Береговая полоса Кольского полуострова относится по российскому законодательству к территориям с регламентированным посещением иностранных граждан. С одной стороны, МИД Финляндии рекомендует своим гражданам воздерживаться от поездок в бывшие финские поселения [31]. С другой стороны, разрушенный культурный ландшафт и небольшое количество мемориалов лишает такие поездки (известные как *pilgrimage of memory*) смысла. Ситуация в Мурманской области в этом случае отличается от приграничных районов Карелии и Ленинградской области.

Источники и литература:

1. До второй мировой войны Финляндия, как на Западе, так и в СССР, считалась страной Прибалтики. В протоколах пакта Молотова-Риббентропа Финляндия упоминается вместе с Латвией, Эстонией и Литвой, как «прибалтийская страна». Интеграция Финляндии в Скандинавию произошла в послевоенное время. В современном русском языке Финляндия часто относится к скандинавским странам. В скандинавских языках есть понятие включающее Финляндию в состав северных стран – Norden и исключаящее эту страну из него – Skandinavien. См.: *The Sea of Identities. A century of Baltic and East European Experiences with Nationality, Class, and Gender* / Norbert Götz (ed.). Södertörn University Academic Studies. Stockholm, 2014. С. 1–12.
2. *Realms of memory: rethinking the French past* / Eds. Pierre Nora, Lawrence D. Kritzman. New York, 1996. Vol. 1. Conflicts and divisions; New York, 1997. Vol. 2, Traditions. Vol. 3, Symbols. New York, 1998.
3. *The Barents Region: a transnational history of subarctic Northern Europe* / Eds. Lars Elenius, Hallvard Tjelmeland, Maria Lähteenmäki and Alexey Golubev. Oslo, 2015.
4. Шрадер Т.А. Колонисты на Мурманском побережье // Вестник Баренц-центра МГПУ. Вып. 5. Мурманск, 2006. С.115–123; Shradер T. Legislative Aspects of Norwegian Colonization of Murman 1860-1915 // *In the North My Nest is Made: Studies in the History of the Murman Colonization 1860–1940* / Eds A. Iurchenko and J. Nielsen. St. Petersburg, 2005. С. 61–85.
5. Воленс Н.В. Колонисты Мурмана и их хозяйство. Материалы, статьи, исследования. М., 1926.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям // Режим доступа: <http://demoscope.ru> свободный (дата обращения: 5.05.2016).
7. Kotljarchuk A. The Nordic Threat: Soviet Ethnic Cleansing on the Kola Peninsula // *The Sea of Identities. A century of Baltic and East European Experiences with Nationality, Class, and Gender* / Norbert Götz (ed.). Södertörn University Academic Studies. Stockholm. 2014. С. 53–83.
8. Богатства Мурманского края на службе социализму. Итоги и перспективы хозяйственного развития Кольского полуострова. М., Л., 1934.
9. Рассчитано автором на основе издания: Мурманский округ: статистико-экономическое описание. Мурманск, 1929.
10. Савилова С. Политические репрессии против кольских финнов // Альманах АСТЭС. № 5. 2003. С. 130–149.
11. Gustafson A. Svenska sovjetemigranter: om de svenska kommunisterna och emigrationen till Sovjetunionen på 1920-och 1930-talen. Linköping, 2006.

12. Котлярчук А. С. В кузнице Сталина. Шведские колонисты Украины в тоталитарных экспериментах XX века. М., 2012.

13. Jentoft M. De som dro østover. Kola-nordmennenes historie. Oslo, 2001.

14. Kotljarchuk A. Little Red Sweden in Ukraine: the 1930s Comintern project in Gammalsvenskby // The Lost Swedish Tribe: Reapproaching the history of Gammalsvenskby in Ukraine / Piotr Wawrzeniuk & Julia Malitska (eds.), Södertörns högskola, Huddinge, 2014. С. 111–149.

15. Орехова Е. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX века. Диссертация на соискание звания кандидат исторических наук. СПб., 2009.

16. Tovari I. V. Stalinin Puhe // Polarnoin kollektivisti № 30. 6.4.1937; № 32. 12.4.1937.

17. Kotljarchuk A. Nordic fishermen in the Soviet Union: Ethnic Purges and the Cleansing of Cultural Landscape // The Barents and the Baltic Sea region: contacts, influences and social change. Ed. by Kari Alenius, Oulu University, 2016.

18. Kotljarchuk A. The Great Terror and Propaganda: A Nordic Approach // Minorities under Stalin. New perspectives for the research / Andrej Kotljarchuk & Olle Sundström (eds). Södertörn University, forthcoming.

19. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001.

20. Иванов Н. За изучение русского языка // Полярный коллективист. 1.2.1938. Глава Финского национального района Э. Лахденперья родился в 1898 г. в с. Ура-Губа. Как активный сторонник советской власти он был направлен в 1930 г. в Ленинград для учебы в партшколе. В сентябре 1937 г. обвинен первым секретарем Мурманского ВКП (б) Ермилом Бабаченко в создании «финской националистической контрреволюционной организации» и отстранен от занимаемой должности. Покончил с собой; Карл Петерсон (1890–1938)– родился в Хельсинки. Заместитель начальника государственной компании «Мурманрыба». Член ВКП(б). Арестован 7 сентября 1937 г. и расстрелян 18 января 1938 г. в Ленинграде. Реабилитирован в 1958 г. Юханнес Сало (1900–1938) – родился в Териоках. Глава финского колхоза Herätys. Член ВКП(б). Арестован 5 августа 1937 г. и расстрелян 8 января 1938 г. в Ленинграде. Реабилитирован в 1989 г.

21. Докладная записка исполкома Мурманского областного совета депутатов трудящихся в Совнарком Союза СССР «О переселении в Мурманскую область 286 хозяйств из других областей Союза ССР». 5 августа 1940 г. Начальник переселенческого отдела при Мурманском облисполкоме И. В. Кондрашов. Российский Государственный Архив Экономики. Фонд 5675. Опись 1. Дело 330. Л. 46-47.

22. Порцель А. К. Экономическое развитие Кольского полуострова в свете российско-норвежских отношений, 1900-1940 гг. Диссертация на соискание звания кандидат исторических наук. Мурманск, 2000.
23. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / Ред. П. Визгин. М., 2002.
24. Kotljarchuk A. Norwegians in the Stalinist Terror: New Perspectives for Research // Fortid. 2015. № 2. С. 18–22.
25. Игнатъев Ю. Кировск // 30 Октября. № 111. 2012. С. 3.
26. Зензинов П. Колхоз Энергия возрождается // По Сталинскому Пути. № 1. 7.11.1949.
27. Бусырева Е.В. Судьбы семей финских колонистов Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. № 7:27. 2015. С. 59–75.
28. Администрация сельского поселения Ура-Губа. Официальный сайт // Режим доступа: <http://www.ura-guba.ru/about> свободный (дата обращения: 5.05.2016).
29. Вестник Видяево. 17.10. 2014.
30. Шаламов В. Т. Колымские рассказы. Стихотворения. М., 2008.
31. Utrikesministeriet Finland. Resemeddelanden 8.2.2016 // Режим доступа: <http://www.formin.finland.fi> свободный (дата обращения: 5.05.2016).